

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ

Выпуск 9

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АМЕРИКАНСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
УЧЕНЫХ СИБИРИ И ПРЕПОДАВАНИИ
В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»

Томск, 18–19 октября 2007 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

АМЕРИКАНСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА НА СТРАНИЦАХ «СИБИРСКОГО ВЕСТНИКА» (1885–1905) И «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ» (1897–1916)

В.Н. Горенинцева
Томский госуниверситет

Характерный для гуманитарных исследований сдвиг внимания от глобального к локальному, от универсального к частному, от центрального к периферийному обуславливает введение в научный оборот регионального материала. Это позволяет, с одной стороны, дополнить представление об общерусских социокультурных и историко-литературных процессах, а с другой стороны, выявить особенности протекания этих процессов в той или иной провинции и проследить специфику становления местного самосознания и формирования региональной картины мира.

В связи с этим закономерен рост интереса к местной, прежде всего к газетной, периодике. Для большинства провинциальных городов России в XIX и начале XX в. именно газета являлась едва ли не единственной площадкой литературной жизни. На страницах газет появлялись литературно-художественные публикации малых жанров, в том числе и переводные, здесь начинались творческие биографии будущих писателей, развивалась местная литературная критика как одна из главных форм выражения культурного самосознания.

Изучение газетных материалов во многом способствует формированию современной концепции сибирского текста, в понятие которого включаются пять концептуальных моделей: 1) Сибирь в восприятии и оценке человека из Центра и других регионов России; 2) Сибирь в восприятии и оценке человека мира; 3) Россия в восприятии и оценке сибиряка; 4) мир в восприятии и оценке сибиряка; 5) Сибирь в восприятии и оценке сибиряка¹. Наибольший интерес для нас представляет четвертая модель, позволяющая проследить процессы ассимиляции в Сибири общероссийской и мировой культуры и выделить в сибирском тексте не только специфические, но и общенациональные и интернациональные черты.

Американская тематика в том или ином ракурсе представлена на страницах практически всех томских периодических изданий рубежа

XIX – начала XX в. Сопоставление Сибири и Североамериканских Соединенных штатов, возникшее во многом благодаря сибирским областникам, с разной степенью интенсивности обсуждалось на страницах местной периодики. Проявляя интерес к экономическим, историческим и социокультурным аспектам американской жизни, местная периодика, естественно, не могла обойти вниманием и американскую литературу. Здесь необходимо заметить, что «Сибирская газета», служившая идеологическим рупором сибирского областничества, не обращалась собственно к американской художественной литературе, хотя американская тема в целом была отражена в этом издании весьма-многогранно². Делая установку на «культурный» сепаратизм, редакция газеты ставила во главу угла идею развития местной беллетристики, вследствие чего творчество инациональных писателей на ее страницах практически не представлено.

Иное мнение о значении переводной литературы высказывала редакция «Сибирского вестника», либерального издания прозападного направления, рассматривавшего международные литературные контакты как способ культурного взаимообогащения и воспитания толерантности³. Внимание к иностранной, в том числе и американской, литературе проявляла и «Сибирская жизнь», объединившая после 1905 г. региональные литературные силы. Оба издания предлагали читателю богатый материал, в котором отразился интерес сибиряков к явлениям мировой художественной культуры. При этом восприятие иноязычной словесности становилось не только формой суждения о закономерностях развития культуры, но и важнейшим элементом литературного сознания сибиряков.

В целом американская художественная литература представлена на страницах томской периодики рубежа XIX–XX вв. в меньшей степени, чем европейская, в особенности французская, немецкая и скандинавская литературы. Критическая рецепция североамериканской беллетристики составляет весьма небольшой объем от общего числа литературно-критических материалов: юбилейная заметка, посвященные Г. Бичер-Стоу, библиографические статьи, рассказывающие о новых русских переводах Лонгфелло, Дж. Лондона, А. Синклера, М. Твена, некролог о Ф. Брет Гарте⁴. Более обширно в томской периодике представлены переводы. Так, ни один иноязычный писатель не переводился специально для местных изданий так часто, как М. Твен, объектом сатиры которого выступала американская жизнь со всеми ее неприглядными явлениями, в чем-то похо-

жими на местную реальность⁵. Новеллы Твена настолько органично вписывались в местную периодику, что имели подражателей: «История одной рукописи» А. Борского и фельетон «Удовольствие быть фельетонистом», подписанный псевдонимом «Игла», тематически, сюжетно, стилистически и композиционно перекликались с рассказами М. Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету» и «Как меня выбирали в губернаторы»⁶.

В фельетоне «Удовольствие быть фельетонистом»⁷, как и в новелле Твена «Как меня выбирали в губернаторы», поднималась тема «нечистоплотности» прессы, весьма актуальной для местной печати, на страницах которой постоянно велись разбирательства процессов диффамации. Положение, в которое попадает главный герой фельетона, сотрудник газеты «Наша жизнь» (прямая параллель с «Сибирской жизнью»), похоже на то, которое описывал в своей новелле М. Твен: фельетонист становится жертвой инсинуаций своих «собратьев по перу», журналистов из другой местной газеты, «Красы Демидрона». В свою очередь, это название позаимствовано из «Современных идиллий» М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако в намеке угадывается «Сибирский вестник», вторая томская газета, оппозиционная «Сибирской жизни». Заявляя, что он собирается «во всем» подражать Твену, автор под псевдонимом «Игла» действительно заимствует у американского писателя некоторые приемы. Так, например, неприглядные явления местной действительности показаны через восприятие «простака» – простодушного, непосредственного человека, выразителя здравого смысла. Вместе с тем «простака» из местного фельетона не совсем похож на американского. Если герой Твена настолько неискушен в грязных технологиях, что игнорирует совет своей мудрой бабушки не вступать в политическую борьбу, томский фельетонист, чье имя уже неоднократно «трепалось и пачкалось» в прессе, готов сносить «грязный поток» клеветы молча, следуя бабушкиному наставлению о том, что «укусы клопов не страшны, но запах от них отвратителен». Однако даже бывалого журналиста поражают масштаб и нелепость инсинуаций: к концу фельетона он, как и герой Твена, «ошеломлен» и «близок к сумасшествию». Как и в американской новелле, основным приемом создания комического эффекта в произведении становится гиперболизация и гротеск. Нарастание нелепостей развивает и углубляет конфликт, каждое последующее обвинение оказывается невероятнее предыдущего. Кандидата в губернаторы из новеллы Твена вначале обвиняют

в лжесвидетельстве и мелком воровстве, а в конце в поджоге сумасшедшего дома, портившего вид из окна, и в устройстве «беззубых родственников на должность пережевывателей пищи для подкидышей». Недоброжелатели фельетониста готовы не только усмотреть критику в свой адрес в любой его статье, пусть даже посвященной «чуме, холере, дизентерии и болотной лихорадке», но и приписать ему более «тяжкие» преступления, а именно «плагиат» статейки под названием «Смерть мухам» и получение взятки в 20 рублей от вино-торговца за написание панегирика. Таким образом, трагикомическое положение главного героя рассказа Твена, послушавшегося совета бабушки и навлекшего на себя разнообразные беды, превращается в поистине трагическое положение героя сибирского фельетона, не желающего принимать участие в «грязных играх», но тем не менее становящегося их жертвой.

Автор юморески «История одной рукописи» А. Борский⁸ также прямо заявляет, что «целиком списал повесть у М. Твена». Главный герой его рассказа – также «простак», незадачливый литератор, желающий услышать мнение критиков о своем творчестве, а вместо этого получающий исправленную рукопись, которую впоследствии отказываются печатать. Затрагивая актуальный вопрос о сложном положении современной литературы и о современной литературной критике, А. Борский перефразирует обличительный пафос новеллы Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», направленной против невежества случайных людей в профессии: «Куда исчезают все репортеры, оставшиеся без работы, все биржевые маклеры, выгнанные с бирж, и все потерпевшие неудачу на почве писания статей по политическим, экономическим и аграрным вопросам?» Влияние рассказов Твена заметно и в выборе стилистических средств: Борский прибегает к приемам гиперболизации и реализации метафоры. Так, прочитав повесть героя, редакторы «лопались, как мыльные пузыри», после чего «вдовы и сироты толпились у дома литератора, требуя вернуть им мужей», а преемники погибших «требовали ввести военное положение».

Другой фигурой, представлявшей американскую литературу в местной периодике на рубеже веков, был Эдгар Аллан По. Русский читатель узнал о нем еще в 40-х гг. XIX в., однако подлинное открытие писателя в России пришлось на период с 1895 по 1910 г., совпавший со временем расцвета русского символизма. Для представителей «новой» литературы По стал «стал символом, магическим

именем, идеалом искусства ради искусства, стремления выйти за пределы внешней видимости вещей ради познания высоких истин»⁹. Поскольку отношение русского общества к этому литературному течению символизма было неоднозначным, американский писатель оказался в центре околосредоточенной борьбы: интерпретация личности и творчества Э. По зависела от отношения к новому искусству, т. е. рассматривалось ли новое искусство как наивысшее достижение, как многообещающее направление, арена для изучения патологического или как последняя ступень падения вкусов и морали¹⁰.

Знакомство сибирского читателя с творчеством Э. По началось с прозы. В 1897 г. «Сибирский вестник» опубликовал перевод рассказа «Воспоминания мнимоумершего»¹¹, содержание которого, отраженное в названии, было призвано удовлетворять характерный для того времени повышенный интерес к мистике, потустороннему, загробной жизни и прочим инфернальным явлениям.

Следующее обращение к творчеству американского писателя произошло лишь спустя 11 лет: в 1908 г. в газете «Сибирская жизнь» появился перевод знаменитой новеллы Э. По «Черный кот» («The Black Cat», 1843), выполненный с французского Ильей Л.¹² Это одна из наиболее популярных новелл Э. По, в которых он исследует так называемый дух извращенности («the spirit of perverseness»), проявляющийся в патологическом раздвоении личности. До 1908 г. новелла «Черный кот» переводилась в России неоднократно, как известными переводчиками (М. Энгельгардтом и К. Бальмонтом), так и на страницах периодических изданий. Анализ перевода, выполненного специально для «Сибирской жизни», позволяет говорить о достаточном уровне профессионализма переводчика. Обыкновенно перевод, сделанный не с оригинала, а с языка-посредника обнаруживает множество композиционных и стилистических недостатков. В данном случае перевод, выполненный Ильей Л. с французского, можно признать стилистически адекватным. В некоторой степени переводчику удалось передать общую эмоциональную атмосферу, создаваемую Э. По за счет разнообразных стилистических средств: градации, параллельных конструкций, повторения, аллитерации. Например:

Е.А. Пое «The Black Cat»¹³

In their consequences, these events have terrified – have tortured – have destroyed me.

Перевод Ильи Л.

Следуя одно за другим, эти события меня напугали, меня замучили, меня уничтожили.

При этом переводчик, сохраняя градацию, пытался передать эффект, создаваемый в оригинале нехарактерным для английского синтаксиса повторением вспомогательного глагола «have», троекратным повтором личного местоимения «меня».

Илья Л. очень внимателен к графическим средствам, сохраняя везде авторский курсив, прописные буквы и прочие средства графического выделения. Вместе с тем перевод не лишен композиционных просчетов. Э. По сознательно строит повествовательную структуру новеллы на основе приема раздвоенности личности. Опираясь на традиционную в романтической прозе пару рассказчик – герой, где рассказчик олицетворяет нравственно-психологическую норму, герой – отклонение от нее, По часто объединяет две эти функции в одном человеке, воплощающем как норму, так и отклонение. Таким образом, повествование приобретает характер самонаблюдения, объясняющего функционирование сознания на двух уровнях. В тексте перевода, выполненном для «Сибирской жизни», пропущены пространственные отрывки, содержащие анализ мотивов совершения преступления (рассуждения о «духе извращенности»). Некоторое снижение эмоционального воздействия происходит и из-за пропуска переводчиком наиболее жестоких описаний (расправа над котом, сцена после убийства жены, когда герой-рассказчик обдумывает возможные варианты избавления от тела) и сцен, рассказывающих о мистических совпадениях (изображение силуэта кота с веревкой на шее на стене сгоревшего дома, белые пятна на груди кота, по форме напоминающие виселицу).

Поскольку поэзия Э. По пользовалась особой популярностью в символистских кругах, логичным представляется обращение к его творчеству Иосифа Иванова, по оценкам местной критики, «наиболее последовательного сторонника модернизма и типичного поэта-символиста» сибирской формации¹⁴. В 1912 г. в связи с выходом пятого тома собрания сочинений Э. По в переводе Бальмонта, И. Иванов поместил в «Сибирской жизни» библиографическую заметку¹⁵, в которой дал высокую оценку Бальмонту – переводчику По. Возражая критикам, он назвал перевод Бальмонта «лучшим из существующих», полагая, что «как никто другой Бальмонт сумел передать магическую глубину и мелодичность поэзии автора *Ворона*»¹⁶.

Иванов и сам обращался к стихотворениям Э. По в своей творческой деятельности. Годом ранее «Сибирская жизнь» опубликовала его перевод стихотворения «Сновидение» («A Dream», 1827)¹⁷. Сти-

хотворение американского поэта проникнуто тоской по прошлому: взгляд лирического героя лишь мельком скользит по окружающим предметам, но его мысленный взор обращен к давно ушедшим временам. Руководствуясь своими представлениями о прекрасном, Иванов, чья поэзия, по мнению томских критиков, «была туманна, заузна и плохо поддавалась расшифровке»¹⁸, выразил эти черты и в переводе: его текст содержит обороты, не характерные для структуры русского языка, что делает его звучание претенциозным и непонятным. Например, в стихотворении есть такая строфа: «Но что и днем не сон для тех, // Чей взор вокруг блуждает здесь, // Чей взор одним лучом из всех, // Но погружен в прошедшем весь?» В отношении формы томский переводчик также небезупречен: сохраняя в последней строфе характерную для поэзии По внутреннюю рифму («Пусть этот луч – свет бурь и туч ...» Курсив мой. – В.Г.), Иванов искажает оригинальный размер стихотворения, заменяя чередующийся четырехстопный и трехстопный ямб четырехстопным во всех строках строфы.

Таким образом, многочисленные переводы американской беллетристики (М. Твен, Э. По) в томских газетах «Сибирский вестник» и «Сибирская», выполненные на неплохом уровне, а также появление подражаний убедительно подтверждают факт присутствия интернационального, в нашем случае американского, культурного элемента в качестве составляющей сибирского текста.

---

¹ Доманский В.А. Структурные уровни сибирского текста // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. С. 8.

² См.: Жильцова Н.В. Американская тема в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири. Материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт». Томск, 2001. Вып. 5. С. 209–216.

³ Сибирский вестник. 1892. № 48. 26 февр. С. 2.

⁴ См.: Горенинцева В.Н. Американская литература на страницах томской периодики конца XIX – начала XX веков // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2007. Вып. 2. С. 85–93.

⁵ А.П. Чехов писал о своем пребывании в Сибири: «Жизнь тут кипит такая, о какой Европа и понятия не имеет. Она <...> напоминает мне рассказы из американской жизни» // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем В 30 т. 1976. Т. 4: Письма. С. 124–125.

⁶ См.: Горенинцева В.Н. Юмористические рассказы М. Твена в томской периодике конца XIX – начала XX в. // Материалы VI Всероссийской научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве». Томск, 2007. С. 210–216.

-
- ⁷ Сибирская жизнь. 1899. № 251, 16 нояб. С. 3.
⁸ Там же. 1908. № 188, 20 авг. С. 3.
⁹ Гроссман Дж. Эдгар По в России. 1998. С. 68.
¹⁰ Гроссман Дж. Эдгар По в России. С. 56.
¹¹ Сибирский вестник. 1897. № 59, 10 марта. С. 2–3.
¹² Сибирская жизнь. 1908. № 54, 4 марта. С. 3.
¹³ Poe E.A. The Black Cat // Collected Works by Edgar Allan Poe. 1978. Vol. 3. P. 849–859.
¹⁴ См.: Мотивы декаданса в литературе Сибири // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. 1982. Т. 1. С. 556–567.
¹⁵ Сибирская жизнь. 1912. № 252, 17 нояб. С. 5.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. 1911. № 281, 19 дек. С. 3.
¹⁸ См.: Мотивы декаданса в литературе Сибири. С. 560.

AMERICAN BELLES-LETTRES IN «SIBIRSKY VESTNIK» (1885–1905) AND «SIBIRSKAYA ZHIZN'» (1897–1916)

V.N. Gorenintseva
Tomsk State University

The article dwells on various aspects of American belles-lettres reception in main Tomsk newspapers: «Sibirsky Vestnik» and «Sibirskaya Zhisn'» at the end of the XIX and beginning of the XX century. This approach adds to the modern understanding of the concept of «Siberian text» as including not only local and national, but also international elements. The sincere interest to American belletristic literature and a certain influence of American artistic thought on Siberian culture is manifested by numerous translations and imitations, mainly from M. Twain and E.A. Poe.